

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

Е. М. КОЛПАКЧИ

ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Изучение языка какого-либо периода всегда естественно предполагает и изучение его звукового строя. Многие поколения японистов, однако, считали (да и считают до сих пор) изучение фонетики древне-японского делом необязательным. Совершенно очевидно, что это странное положение вещей объясняется спецификой дальневосточной графики. Отказавшись (в лучшем случае) от использования идеографических текстов как материала при изучении древнего языка, исследователи базируются на ман'ёгане (т. е. на фонограммах), рассматривая их, и вполне справедливо, как более достоверный источник. Несомненно, что фонограммы для лингвиста представляют несоизмеримую с идеограммами ценность; подлинное значение их, однако, до сих пор обычно остается не вскрытым. Объясняется это тем, что, используя фонограммы, их берут в том чтении, которое знаки имеют в настоящее время. Таким путем происходит систематическая подстановка современного звучания на место древнего, причем результат этой подстановки отождествляется с первоначальным и исходным материалом. Ложность такого метода, однако, была вскрыта еще в XVIII в. двумя известными японскими филологами того времени — Мотоори Норинага и учеником его Исидзука Тацумаро. Более подробной разработкой данного вопроса мы обязаны именно последнему.

Еще Мотоори в „Кодзики дэн“ указывал на то, что в использовании омонимических фонограмм проводилась определенная и строгая дифференциация. Так, например, несмотря на то, что 許 и 古 использовались оба для передачи слога *ко*, 許 никогда не использовался при транскрипции *ко* (子) 'ребенок'. Точно так же, как (мэ) 'женщина' транскрибировался иероглифом 賣 (мэ), но не иероглифом 米 и т. д. и т. п.¹ Все эти данные, углубленные еще анализом Исидзука Тацумаро в его труде „Канадзукаи оку но ямадзи“,² приводят к выводу, что существовала двойная серия

¹ Цитирую примеры по статье О. Плетнера „Contribution à l'étude historique du vocalisme de l'ancien japonais“. Bulletin de la Maison Franco — Japonaise, 1936, v. VIII, № 1, стр. 45—46.

² Впервые была издана в 1929 г. в собрании Нихон котэн дзэнсю. Первое критическое упоминание о ней мы находим в работе Хасимото Синкити „Кокуго канадзукаи кэнкю сивэ но ити хаккэн“ (Тэйкоку бунгаку, 1917, № 11).

Более подробное изложение всех вопросов, связанных с фонограммами, см. его же Кодай кокуго но он'ян ни цуйтэ, 1942 г.

фонограмм, идущая в разрез с кажущейся в настоящее время омонимией. Исидаука удалось выявить тринадцать соответственных пар, насчитывающих каждая большое количество транскрипционных знаков, т. е. идеограмм, использованных в качестве фонограмм. К этим тринадцати парам принадлежат следующие слоги: *e, ki, ke, ko, so, to, ni, hi, he, mi, te, yo, ro*.¹

Сравнение знаков ман'ёганы, использованных для каждого ряда, с древне-китайским чтением, восстановленным Карлгрэном в его „Analytic Dictionary“,² указывает на определенную звуковую дифференциацию в пределах каждой пары фонограмм.

Для большей конкретности приводим ниже соответственные примеры:

Ряд А. (甲) Фоногр. Др.-кит. Ряд Б. (乙) Фоногр. Др.-кит.

Ряд для слога *ko*

古	<i>kiuo</i>	已	<i>kji</i>
胡	<i>γuo</i>	居	<i>kjwo</i>
故	<i>kiuo</i>	臣	<i>gijwo</i>
枯	<i>kiuo</i>	許	<i>xijwo</i>
姑	<i>kiuo</i>	去	<i>kijwo</i>
庫	<i>k'uo</i>	虛	<i>xijwo</i>
高	<i>kâu</i>	興	<i>xjəng</i> ³
孤	<i>k'uo</i>		

Ряд для слога *so*

蘇	<i>suo</i>	會	<i>tsəng,</i> <i>dzəng</i>
素	<i>suo</i>	會	<i>səng</i>
祖	<i>tsuo</i>	增	<i>tsəng</i>
		憎	<i>tsəng</i>
		則	<i>tsek</i>
		所	<i>swjə</i> ⁴

Ряд для слога *go*

路	<i>luo</i>	呂	<i>lijwo</i>
漏	<i>ləɹ</i>	侶	<i>liwo</i> ⁵

Последовательное сличение рядов А с рядами Б подтверждает высказанное нами выше положение, позволяя его при этом уточнить, а именно: отмеченная выше дифференциация проходит, повидимому, под знаком лабиализации, с одной стороны, и палатализации или лабиопалатализации, с другой стороны.⁶ Центр проблемы, однако, лежит для нас, в данном

¹ Хасимото Синкити. Дзёдай но бункэн ни дзюсүру токусю но канадзүкаки го тбэн но гоко. Кокуго то кокубунгаку, 1931, № 9, стр. 8—9.

² J. L. Pierson. The Manyōshū, v. 1, 1929, стр. 49—63. Пирсон использует материал Карлгрэна, см.: Analytic Dictionary of Chinese. Paris, 1923.

³ J. L. Pierson, ук. соч., стр. 32—53.

⁴ Там же, стр. 56—57.

⁵ Там же, стр. 67.

⁶ Мы не согласны, таким образом, с Плетнером, который учитывает лишь качественное изменение вокального элемента (см. ук. соч., стр. 54).

случае, не столько в уточнении звукового состава фонограмм сколько в констатации несомненного наличия звуковой дифференциации и всех вытекающих из этого выводов, а именно: а) учет рядов Исидзука совершенно преобразует наши представления о фонетической системе древне-японского языка; б) учет рядов Исидзука ведет к иному пониманию грамматических соотношений в древнем языке.¹ В первую очередь это сказывается в исчезновении грамматических омонимов. Первый, кто обратил внимание на это, был Хасимото Синкити, подробно разобравший целый ряд грамматических вопросов в свете новых данных. Вскрыв ряд звуковых схождений и расхождений, Хасимото, однако, ограничивается лишь формальным анализом парадигм и не делает никаких выводов относительно строя языка в целом. Материал его, несомненно, слишком обширен для того, чтобы можно было в данном случае использовать его целиком. Это означало бы, в сущности, последовательный пересмотр всей грамматики древнего языка, поэтому мы здесь ограничились лишь одним, хотя и узким, но вместе с тем весьма важным вопросом. Вопрос этот заключается в соотношении между формой повелительного наклонения глагола первого спряжения (так называемый *ёдан*) с формой условно-временного и уступительного наклонения того же спряжения.

Прежде всего сопоставим эти формы в их современном звучании.

Глагол *ёму*:

повелительное наклонение	— <i>ёмэ</i>
условно-временное	— <i>ёмэ-ба.</i>
уступительное	— <i>ёмэ-домо.</i>

С этим совпадает и современное чтение соответственных фонограмм. Однако анализ, произведенный Исидзука, выявил наличие двух рядов в отношении слога *мэ*: А) 賣謎咩綿馬面女 Б) 米妹梅每 毒味晚目眼. Дальнейшие же работы Хасимото Синкити вскрыли и соответственную дифференциацию в грамматической функции этих рядов. Выяснилось, что слог *мэ* повелительной основы транскрибируется только фонограммами из ряда А, тогда как *мэ* условно-временной основы использует лишь фонограммы ряда Б. (Попутно необходимо иметь в виду, что глаголы третьего спряжения, иначе говоря симонидан, используют фонограммы ряда Б для транскрипции повелительного наклонения — момент весьма важный при выяснении принадлежности глаголов к тому или иному спряжению). Звуковое совпадение основ повелительного и условно-временного наклонения оказалось мнимым. Это же положение относится не только к слогу *мэ*, но и к слогу *хэ* и *кэ*.

Проверка, которой я подвергла, в свою очередь, тексты „Ман'ёсю“,³ „Микотонори“ и „Фүдоки“, вполне подтвердила выводы Хасимото. Некоторое отклонение в использовании фонограмм наблюдается лишь в XIV томе „Ман'ёсю“, который занимает в этой антологии, как известно, совершенно особое место. Об этих отклонениях, однако, пишет и Хасимото.²

Приводим примеры дифференциации знаков ман'ёганы в связи с дифференциацией форм.

Унохана но томо ни си накэба хототогису

¹ Хасимото Синкити, ук. соч.

² Там же, стр. 3.

³ Дальше „Ман'ёсю“ обозначается буквой М.

Ия мэдзурасимо...

‘Так как кукушка поет одновременно (с цветением) цветов унохана, то еще милее она...’ (М, 4091; М, Сб̄сяку, т. IX, стр. 55).

Аратама но тоси юкикаэри хару татаба

Мадзу вага ядо ни угуису ва накэ

‘Если б год свершил свой круг и снова наступила весна, ты бы должен был спеть, соловей, прежде всего у моего жилища’ (М, 4490; М, Сб̄сяку, т. X, 171 стр.),

Если в первом примере для транскрипции слога *кэ* в *накэба* использована фонограмма 氣, то во втором случае для передачи императивной формы того же глагола *наку-накэ* использована фонограмма 家.

Данная дифференциация фонограмм совершенно совпадает с той, которая была вскрыта Хасимото Синкити.¹

Однако лишь благодаря существованию указанной закономерности, обнаруженной Хасимото, выясняется и другая закономерность, перекрещивающаяся с первой. Обнаруживается она в таких отступлениях, которые во всей совокупности условий своего существования образуют определенную систему. Проявление ее поэтому никоим образом нельзя рассматривать как распад рядов Исидзуга или, иначе, коренное изменение фонетики древнего языка, но как некое новое качество. Какова же суть этого явления?

В том случае, если глагол первого спряжения выступает по форме в повелительном наклонении, но по функции своей в предложении не как конечное сказуемое, а как второй предикат, то фонограмма для транскрипции основы используется не из ряда А, а из ряда Б. (В обычных терминах японской грамматики это означает, что так называемая „повелительная основа“ транскрибируется фонограммами, присвоенными для условно-временной основы).

Приведем пример, взятый из „Микотонори“.²

Какэмаку мо касикоки вага ёкими сумэрамикото, коно амацу хицуги но такамикура но вадза о укэтамаваритэ цуказмацурэ то ёсэтамаэ инадаки ни укэтамавари касикомари...

‘Так как наш неизречно великий владыка повелел: будь восприимчивым дел высокого престола потомков небесного солнца, то (я) с трепетом возложу на свою главу и...’

В данном тексте форма *ёсэтамаэ* от глагола *тамау*, совпадая по форме с повелительным наклонением, по синтаксической функции своей выражает сказуемое подчиненного предложения, что и отражено соответственно в русском переводе союзом ‘так как’. Совершенно очевидно, однако, что в японском тексте нет подобного союза и что сложное предложение в данном случае появляется из сочетания двух простых предложений, из коих первое выступает как повелительное. В языке более позднего времени этой форме выражения соответствовало бы сочетание суффикса *ба* с той же основой.

Аналогичная связь между повелительным наклонением и ростом сложного предложения прослежена была А. А. Потемной на материале русского и славянских языков: „Влр. союз буде („буде любишь, так скажи“, Даль; „буде пришел, так сяди“) теперь ничем заметным не отличается

¹ Хасимоти Синкити, ук. соч., стр. 10.

² Микотонори, № 14, изд. Нихон бунгаку тайкэй, т. 1, стр. 786.

от если и т. п.¹ Близость этих двух систем выражения воссоздается более отчетливо при более точном, дословном переводе вышеприведенного японского текста: 'Повели нам неизреченно великий владыко: будь восприемником дел высокого престола... (и я) с трепетом возложил на свою главу...'

Выше, однако, мы указали на то, что транскрипция глагольной основы, судя по фонограммам, не совпадает в данном случае с транскрипцией повелительного наклонения. Фонетическое созвучие этих основ является, следовательно, лишь позднее, с исчезновением древней звуковой системы; омонимия эта, следовательно, для древнего языка лишь кажущаяся.

Таким путем возникает вопрос: не придется ли нам признать наличие двух типов основ повелительной формы глагола первого спряжения: а) повелительной основы, несущей чисто императивные функции, и б) некоей иной, отличной от нее основы, выступающей лишь в сложном предложении? Таким образом, выдвигается совершенно новая проблема — проблема сказуемого подчиненного предложения и связь его с императивом.

Анализ примеров показывает ряд примечательных фактов. В первую очередь необходимо отметить то, что обычное повелительное наклонение и в самостоятельном предложении обнаруживает тоже отклонение в сторону условно-временной основы в том случае, если предложение эмоционального типа, иначе, если непосредственно после сказуемого стоит какая-либо восклицательная частица. Например: *Унохана но саку цуки татину, хототогису, Кинаки тоёмэ ё фуфумитари томо* (M, т. XVIII, № 4066).²

Комментатор переводит это стихотворение на современный язык: *унохана но сакубэки цуки ни иё-иё натта. Хана ва имада фукундэ ва иру га, хототогису ё, коко э китэ такарака ни наитэкурэ ё.*³ 'Наступил месяц, когда зацветут цветы унохана. Кукушка, прилети сюда и пой, хоть (они) еще не распустились'.

Примечательно, что для транскрипции *мэ* в *тоёмэ* использована фонограмма *ㄱ*, та именно, которая по таблице Хасимото соответствует условно-временной основе. Рассматривать в данном случае глагол *тоёму* как принадлежащий к третьему спряжению со значением *тоёмосу* 'тревожить голосом' не оправдывается уступительной формой *фуфумитари*. Толкование, данное комментатором, тоже совпадает со значением *моёму*, т. е. с глаголом первого спряжения.

Имо га содэ вакарэтэ хиса ни наринурэдо, хито хи мо имо о васу-рэтэ омоэ я. 'Хоть давно уже я расстался с милой, но неужели хоть на один день забуду ее!' (M, т. XV).⁴

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. II, 1889, стр. 295—297. Относительно японского языка см.: Исидэ Харуаки. Косо — кэрэ кэсика но хонги. Кокуго то кокубунгаку, 1939, № 2, а также мою диссертацию: Древне-японский литературный язык по памятникам эпохи Нара (гл.: "Выражение субъекта" и "О сложном предложении").

² Предварительно необходимо указать, что *ё* при форме *тоёмэ* отнюдь не указывает на третье спряжение, так как, судя по примерам, приводимым Ямада в "Нихон бумборон", стр. 1064, оно возможно и при глаголах первого спряжения. Использование *ё* при повелительном наклонении глагола первого спряжения, по мнению Ямада, явление отнюдь не случайного или исключительного порядка и довольно частое даже в классическом языке X века. Целый ряд примеров он приводит даже из "Гэндзи моногатари".

³ М, Сосяку, т. IX, стр. 33.

⁴ По изданию Ёсано Ман'ёсю рякугэ, т. VII, стр. 115.

Э* пэ в омоэ транскрибировано фонограммой 倍 той, которая по таблице Хасимото служит для передачи условно-временной основы.

Аналогичную фонетическую структуру слова мы находим и в том случае, когда непосредственно после глагола следуют частицы ка или косо.

Фонограммы из ряда А (по Хасимото ряд 甲) появляются лишь тогда, когда мы имеем повелительное наклонение, не осложненное никакими восклицательными частицами.

Матōку но кумо ни миюру имо га э ни ицу ка итараму, аюмэ ага кома (М, т. XIV).¹

Для транскрипции аюмэ использована фонограмма 賣, передающая, согласно Хасимото, повелительное наклонение.

Тарухимэ но ура о коицуцу кё нэ хи ва. Танусику асобэ...
'Плывя на лодке в бухте Тарухимэ, сегодня весело развлекайся!...'
(М, т. XVIII, № 4046).

Для транскрипции асобэ использована фонограмма 敝, передающая, согласно Хасимото, повелительное наклонение.

Указанная выше фонетическая дифференциация особенно ясно проявляется при использовании одного и того же глагола в разных синтаксических условиях.

Так, например, в „Микотонори“ № 7 чистое повелительное наклонение глагола *тамау* транскрибируется фонограммой 幣, соответствующей, по таблице Хасимото, фонограммам императива.

天皇大命良麻止親王等又孜王臣等語賜幣止敕久 (769 стр.). *Сумэрага ђмикоторама то микотати мата имаси ђкимитати омитати ни катарайтамаэ то норитамаваку...*
'Великое повеление государево гласит: поведай принцам, вам князьям и вассалам...'

Тот же глагол *тамау* в повелительном наклонении, осложненном восклицательной частицей ё, получает, однако, уже иной фонетический облик.

天皇我詔旨良萬止宣不勅命乎使人等聞給倍與止宣久,天皇我勅命乎聞食倍與止宣.² *Сумэрага микотонорирама то норитамау микотонори о цукаибитотати кикитамаэ ё то норитамаваку, сумэрага микотонори о кикосимэсаэ ё то нору.*
'Великое повеление государево гласит: весь служилый люд повелению внимайте. Повелению государеву внимайте — так возглашают!'

В данном примере окончание повелительного наклонения в сочетании с восклицанием ё передается фонограммой 倍, иначе говоря, фонограммой того ряда, который используется для передачи условно-временной основы.

Здесь мог бы быть приведен целый ряд аналогичных примеров, однако и этих уже достаточно, нам думается, для того, чтобы показать ту существенную разницу, которая, очевидно, различает между чистым повелительным наклонением и повелительным же наклонением, соединенным с какими-либо экспрессивно-выразительными частицами, будь то *косо*, *ё*, *я* или *ка*. В этом именно моменте и заключается основной смысл всей

¹ Ёсано, т. VII, стр. 44.

² Микотонори, № 19. В кн. Сёку Никон кōки, цитир. по Ямада Нихон бумпōрон, стр. 1065. Чтение у Ямада отсутствует.

проблемы соотношения между модальными формами и структурой сложного предложения. Ведь не надо забывать, что те форманты *ба* и *домо*, которые выступают как носители подчиненности в сложном предложении, суть не что иное, как те же экспрессивно-выразительные частицы — *ва*^{*} *па* и *томо*. Отсюда именно и та фонетическая реакция, которую мы наблюдаем в структуре глагола в случае наличия *ба* или *домо*, которая абсолютно аналогична с реакцией на *я*, *ка*, *косо* или *э*.

В чем, однако, причина этого явления?

Нам думается, что ключ к разгадке в данном случае лежит в музыкальном ударении, в изменении высоты тона в связи с наличием или отсутствием определенных восклицательных частиц. Понятно, в этом отношении мы лишены каких бы то ни было твердых данных. Некоторую аналогию лишь, может быть, могут представить материалы по музыкальному ударению в говоре Киото, демонстрирующие перемещение голосового тона на *ба* в сочетании с изменением характера предшествующего гласного. Ср. *a^гmi* 'плести' — *ame:^гba*; *waga₁u* 'смеяться' — *waju:₁ba*; *ra^гsu* 'выставлять' — *ras'e:^гba* и т. д.¹ Здесь дело не просто в модальных частицах, а в интонации и связанных с ней фонетических изменениях, что явствует также и из того, что и без модальных частиц при наличии других каких-либо моментов, организующих интонацию, наблюдаются те же самые фонетические изменения.

Мидэзу томо тарэ коидзарамэ яма но ха ни исаёу цуки о ёсо ни митэси ка. 'Кто не будет любить лишь оттого, что (её) не видно? Ах, хоть издали посмотреть бы на луну, что блуждает над краем гор!' (М, т. III, № 393).²

Суффикс *мэ* передан фонограммой 米, соответствующей, по Хасимото, условно-временной основе. Само наличие здесь *мэ* при характеристике конечного сказуемого, очевидно, объясняется риторическим вопросом.

Из всего этого совершенно очевидно, что на фонетической структуре сказуемого не может не отражаться его позиция в предложении, так как последняя должна давать иной мелодический рисунок, чем позиция в конце предложения. Вот чем в конечном счете объясняются те фонетические изменения, которые мы наблюдаем в том случае, когда сказуемое, не осложненное никакими модальными частицами, оказывается вторым предикатом, иначе — предикатом придаточного предложения.

Офунэ о арум (арауми) ни кошидэ я фунэ такэ вага миси кора га маму ва сируси мо Комментатор переводит: *Офунэ о арауми ни кошидаси, коши ни когэ, вага мита онна но мэмото ва, хаккири то мизэру.*

'Выплыв в бурное море, пусть (я) гребу и гребу, (и все же) любимую свою вижу отчетливо перед собою' (М, т. VII, № 1266).³

По „Котоба но идзуми“ глагол *таку* (ёдан) означает 'усиленно грести'. Соответственный пример имеется и в „Тоса никки.“ Неосложненное никакими формантами, *такэ* как глагол первого спряжения выступает в чистой повелительной форме и, следовательно, должен был бы транскрибироваться фонограммой ряда А, тем не менее, однако, *кэ* транскрибировано фонограммой ряда Б 氣, соответствующей по таблице Хаси-

¹ Знак ^г над буквой указывает на повышение голосового тона; знак ₁ под буквой — на понижение голосового тона.

² М, Сёсяку т. II, стр. 10б.

³ М, Сёсяку, т. IV, стр. 1'.

мото передаче условно-временного или уступительного наклонения. Функцию последнего в данном синтаксическом контексте оно действительно и выполняет, что и отмечает в своей статье Исидо Харуаки, истолковывая эту форму в смысле: *Ия фунэ такэдо*.¹

Путем сличения таким образом фонограмм мы приходим к тому заключению, что связь между повелительным наклонением и определенным типом сложного предложения, несомненно, существовала. Осуществлялась она посредством фонетических чередований, завися, очевидно, от изменения музыкального тона. Дальнейшее изменение всей фонетической системы и переход на другую систему графики, приведя к грамматической омонимии, затушевывает и искажает первоначальное положение вещей, сохраняя для нас опорные пункты лишь в области семантики. Интересно, однако, в этом отношении то, что те выводы, к которым мы некогда пришли лишь на основе семантики, руководствуясь общелингвистическими положениями, подтвердились на этот раз и в свете фонетических данных. Поэтому плодотворность учета фонетики при изучении строя древне-японского языка мы считаем совершенно несомненной.

¹ Исидо Харуаки, ук. соч., стр. 72.